

Никитин Иван Саввич

Дневник семинариста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Саввич Н.**
Дневник семинариста / Никитин Иван Саввич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 110 с.

ISBN 978-5-519-99651-8

ISBN 978-5-519-99651-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

этомъ такъ, какъ повелѣваетъ мать наша, Церковь.“ Мы всѣ переглянулись, однакожь засмѣяться никто не смѣлъ. Алексѣй Степанычъ плюнулъ ему въ глаза и крикнулъ: „на колѣни!“ Ну, въ семинаріи у насъ совсѣмъ не то: розги почти совсѣмъ устранены, а если и употребляютъ въ дѣло, такъ это ужъ за что-нибудь особенное. Наставники обращаются съ нами на вы, къ чему я долго не могъ привыкнуть. Оно въ самомъ дѣлѣ странно: профессоръ, магистръ духовной академіи, человѣкъ, который, Богъ знаетъ, чего не прочелъ и не изучилъ, обращается, напримѣръ, ко мнѣ, или къ моему товарищу, сыну какого-нибудь пономаря или дьячка, и говоритъ: „прочтите лекцію“. Долго я не могъ къ этому привыкнуть. Теперь ничего. И мнѣ становится уже непріятно, иногда и вовсе обидно, если кто-либо говоритъ мнѣ ты; въ этомъ ты я вижу къ себѣ нѣкоторое пренебреженіе. Замѣчу кстати: мнѣ необходимо привыкать къ вѣжливости, или, какъ говоритъ мой пріятель Яблочкинъ, къ порядочности (Яблочкинъ необыкновенно даровитъ, жаль только, что онъ помѣшался на чтеніи какого-то Бѣлинскаго и вообще на чтеніи разныхъ свѣтскихъ книгъ). Батюшка сказалъ, что съ первыхъ чиселъ сентября я буду жить въ квартирѣ одного изъ нашихъ профессоровъ съ тою цѣлю, чтобы онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе за моимъ поведеніемъ, слѣдилъ за моими занятіями и, гдѣ нужно, помогалъ мнѣ своими совѣтами. Этотъ надзоръ, мнѣ кажется, рѣшительно меня свяжетъ. Либо ступишь не такъ, либо что скажешь не такъ, вотъ сейчасъ и сдѣлаютъ тебѣ замѣчаніе сначала одно, другое, третье и такъ далѣе. Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь; батюшка, навѣрно, желаетъ мнѣ добра. Стой! вотъ еще новая мысль: что если этотъ дневникъ, который я намѣренъ продолжать, по какому-нибудь несчастному, непредвидѣнному случаю, попадетъ въ руки профессора? Вотъ выйдетъ штука... вообра-

жаю!... Да нѣтъ! Быть не можетъ! Во-первыхъ, у меня, какъ и прежде, будетъ въ распоряженіи свой сундучекъ съ замкомъ, въ который я могу прятать все, что мнѣ заблагоразсудится; во-вторыхъ, я стану писать его или въ отсутствіе профессора, или во время его сна, стало-быть, опасенія мои на этотъ счетъ не имѣютъ никакого основанія. Жаль мнѣ бросить эту работу! Записывая все, что вокругъ меня дѣлается, быть-можетъ, я со временемъ привыкну свободнѣе излагать свои мысли на бумагѣ. Притомъ самая окружающая меня жизнь здѣсь, въ деревнѣ, и тамъ, въ городѣ, въ семинаріи, какъ она ни бѣдна содержаніемъ, все-таки не вовсе лишена интереса. Вчера, напримѣръ, мнѣ случилось быть у нашего дьячка Кондратьича. Чудакъ онъ, ей Богу! Лѣтами еще не старъ, лѣтъ этакъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, выпить любить, а когда выпьетъ, ему никто нипочемъ: и прихожанинъ-мужикъ, и дьяконъ, и даже мой батюшка. Придирки свои онъ, обыкновенно, начинаетъ жалобою на свое незавидное положеніе: „что, дескать, я? дьячокъ — вотъ и все! тварь — больше ничего! Червякъ — и только!...“ И зальется горькими слезами, — и вдругъ изъ слезъ сдѣлаетъ неожиданный переходъ къ такой рѣчи: „да-съ, я червякъ, воистину червякъ! Ну, а ты, смѣю тебя спросить, ты что за птица?...“ Тутъ голосъ его начнетъ возвышаться все болѣе и болѣе. Кондратьичъ засучиваетъ рукава, лѣвую ногу выставляетъ впередъ, правую руку съ сжатымъ кулакомъ бойко замахиваетъ назадъ, словомъ: принимаетъ грозное, наступательное положеніе, и въ эту минуту къ нему не подходитъ никто, иначе расшибетъ вдребезги; если кулаковъ его окажется недостаточно, пустить въ ходъ свои зубы, ужъ чѣмъ-нибудь да насолить своему, какъ онъ выражается, врагу-супостату. Жена Кондратьича робкая, загнанная, забитая женщина, вдобавокъ худенькая, маленькая и подслѣповатая, вѣчно плачется на своего мужа,

жизнь свою называетъ мукою, себя мученицею; мужъ называетъ ее слѣпою Евлампіею. Итакъ, говорю я, вчера вечеромъ случилось мнѣ быть у Кондратьича. Когда я вошелъ въ его избу, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за веревочку, которою былъ опоясанъ и распѣвалъ: „Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ...“ Посреди избы стояла большая, опрокинутая вверхъ дномъ, кадушка. „А, мое, вамъ почтеніе, Василиій Ивановичъ!“ сказалъ Кондратьичъ, замѣтивъ меня на порогѣ: „мое вамъ всенижайшее почтеніе, господинъ философъ, будущій пастырь словесныхъ овецъ... сдѣлайте одолженіе, садитесь... А это что у васъ за мѣшочекъ въ рукѣ?...“ Я совершенно потерялся. Дѣло въ томъ, что батюшка приказалъ мнѣ отнести дѣячихъ немного пшена, но такъ, чтобы мужъ ея этого не замѣтилъ, потому что Кондратьичъ, при всей своей нищетѣ, при всемъ своемъ безобразномъ пьянствѣ, гордъ невыносимо. „Это такъ“, отвѣчалъ я, краснѣя. — „А коли такъ, стало-быть, и пышки въ макъ.“ Мы сѣли. Минуты три прошло въ молчаніи. Вдругъ подъ кадушкою послышалось всхлипываніе. Я взглянулъ на дьячка. Онъ преспокойно поправилъ свою тоненькую, завязанную грязнымъ снуркомъ, косу и отвѣтилъ: „мыши скребутъ.“ Всхлипываніе усилилось. Я вскочилъ, приподнялъ край кадушки, и, къ величайшему моему удивленію, оттуда вышло или, правильнѣе сказать, выползло живое существо—это была жена Кондратьича, блѣдная, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами. „Что это значитъ?“ спросилъ я дьячка. „Гм... что это значитъ... да-съ!“ И не спѣша, вынулъ онъ свою тавлинку, щелкнулъ по ней указательнымъ перстомъ, потянулъ въ одну ноздрю табаку и съ глубокомысленнымъ видомъ произнесъ: „Жена моя увидала васъ въ окно и, не желая показать молодому юношѣ свою красоту, скрылась въ эту подвижную храмину. Смѣю вамъ доложить, она

у меня прецѣломудренная женщина!...“ Разумѣется, Кондратьичъ говорилъ вздоръ. По справкѣ оказалось, что онъ уже не первый разъ издѣвается такимъ образомъ надъ безотвѣтною бабою. Въ минуту гнѣва и ужъ, конечно, порядочно выпивши, Кондратьичъ опрокидываетъ кадушку тамъ, гдѣ ее находитъ, т.-е. на дворѣ или въ избѣ, и обыкновенно кричитъ женѣ: „слѣпая Евлампія, гряди съмо!...“ Бѣдная женщина, не смѣя ему прекословить, подползаетъ подъ такъ называемую подвижную храмину, а дьячекъ ходитъ вокругъ и распѣваетъ: „Взбранной воеводѣ побѣдительная...“ Батюшка мой отчасти прощаетъ ему эти мерзости изъ состраданія къ его женѣ, которая безъ мужа должна будетъ пойти съ сумою, потому что Кондратьичъ, какъ онъ ни плохъ, все же ее кормитъ, отчасти просто по добротѣ своего сердца. Дьячекъ, со своей стороны, умѣетъ заискать кого ему нужно.—На дняхъ, когда благочинный входилъ въ нашу церковь, Кондратьичъ забѣжалъ ему впередъ: „Позвольте, позвольте!...“— „Что ты, братъ?“ — „А вотъ-съ...“ и, вынувъ изъ своего кармана носовой платокъ, услужливый дьячекъ смахнулъ имъ пыль съ сапоговъ благочиннаго, прежде нежели тотъ успѣлъ ему что-либо возразить. „Каковъ онъ у васъ?“ спросилъ послѣ благочинный у моего батюшки. „Пьетъ иногда и характера не совсѣмъ покойнаго“.— „Ну, что жъ дѣлать! Увѣщывай его Словомъ Божиимъ. Поглядишь, исправится. Одинъ Богъ безъ грѣха...“ Однако пора обѣдать. Послѣ обѣда завалюсь спать и просплю до вечера, просто — наслажденіе!...

Вечеромъ.

Уже смерклось. Съ пастбища возвращается стадо коровъ, покрытое облакомъ пыли. Пастухъ пощелкиваетъ кнутомъ. Гдѣ-то вдаль, вѣроятно, какой-нибудь молодой парень наигрываетъ въ жилейку. На улицѣ слышенъ скрипъ отворяемыхъ и

затворяемыхъ воротъ. Бабы, въ пестрыхъ поневахъ и въ бѣлыхъ рогатыхъ кичкахъ, расходятся въ разныя стороны отъ колодца. — Коромысла мѣрно качаются на ихъ плечахъ, въ желѣзныхъ ведрахъ свѣтится холодная ключевая вода. — Солнце медленно прячется въ синихъ тучахъ за темнымъ лѣсомъ, и его пурпуровый румянецъ горитъ на листьяхъ деревьевъ, на соломенныхъ кровляхъ бревенчатыхъ избушекъ, на стеклахъ узенькихъ оконъ и на поверхности свѣтлаго озера, окаймленного зеленымъ камышомъ. — Славная, право, картина! А ужъ какъ я спалъ послѣ обѣда!... Мнѣ кажется, ударъ грома не могъ бы меня разбудить... Да какъ и не спать? — Пирогъ, щи съ говядиной, подбитыя сметаной, жареная, налитая яйцами, курица, творогъ, каша молочная — вотъ что было у насъ за обѣдомъ. — Маменька потчивала меня, какъ гостя, и я принужденъ былъ съѣсть нѣсколько лишнихъ кусковъ единственно для того, чтобы доставить ей удовольствіе. — Хорошая она, право! Говоритъ, что я похудѣлъ въ продолженіе года отъ усиленныхъ занятій науками, и совѣтуетъ мнѣ беречь свое здоровье, въ особенности не читать книгъ по ночамъ, чтобы не испортить зрѣнія. Разумѣется, все это было сказано въ отсутствіе батюшки, который не любитъ потакать лѣни, а главное, не терпитъ, чтобы женщины мѣшались въ дѣло науки. Прямое назначеніе женщинъ, говоритъ онъ, — заботы о семейномъ домашнемъ быту, внѣ котораго онѣ никуда не годны. Взглядъ батюшки еще не такъ строгъ. Другіе смотрятъ на женщину, какъ на аспиду и василиска. Правда, я мало читалъ, но изъ всего мною прочитаннаго выходитъ заключеніе такого именно рода, что женщина — аспидъ и василискъ... Кто пробѣжитъ начало моихъ записокъ, безъ сомнѣнія, скажетъ: „Что за наивность! Въ какія странныя разсужденія вдается писавшій эти строки!“ — Такъ-то такъ, м. г., сказалъ бы я ему, только вы забываете, что я свя-

занъ по рукамъ и по ногамъ. Если бы я спросилъ о чемъ-либо, не прямо относящемся къ моему дѣлу—къ лекціи, кого-либо изъ нашихъ профессоровъ, меня назвали бы дуракомъ; если бы я спросилъ кого-либо изъ моихъ товарищей, болѣе скромный изъ нихъ посмѣялся бы надо мною, болѣе дерзкій послалъ бы меня къ чорту. — На всякій возникающій во мнѣ вопросъ, на всякое рождающееся во мнѣ сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ. За что же лишать меня моей единственной отрады — свободы мысли? Если всюду и передъ всѣми мнѣ приходится скромно потуплять глаза и покорно наклонять свою голову, по крайней мѣрѣ, въ тѣ минуты, когда работаетъ моя голова, когда перо мое не успѣваетъ слѣдить за быстрою мыслью, пусть я буду человѣкомъ, свободно проявляющимъ даръ своего живого слова.—Въ Воронежѣ, говорятъ, появился недавно прасоль-поэтъ. Жаръ и холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, когда въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я прочиталъ эти животрепещущія строки:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?..

Впрочемъ, изъ нашихъ наставниковъ никто не упомянулъ о немъ, какъ о человѣкѣ, подающемъ какія-либо надежды. — Говорятъ, былъ знаменитый поэтъ Пушкинъ, но я совсѣмъ его не читалъ. Въ словесности, какъ образецъ высокаго слога въ поэзіи, я помню слѣдующіе, выученные мною наизусть, стихи Державина:

Се ты—вѣковъ явленіе чудо, —
Сбылось пророчество, сбылось!
Мечъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
Герой мой вновь свой лавръ вознесъ...

Послѣдняго стиха я никогда не могъ произнести свободно, потому что при чтеніи его у меня пере-

хватывало въ горлѣ дыханіе. Вотъ Яблочкинъ, такъ ужъ молодецъ по этой части! сколько онъ знаетъ наизусть стиховъ! Предъ моимъ отъѣздомъ сюда онъ читалъ мнѣ поэму „Демонъ“. Стихи необыкновенно музыкальны. Передъ глазами одна за другою рисуются картины, когда ихъ слушаешь, но впечатлѣніе, производимое цѣлою поэмою, наводитъ на странныя, невыразимыя мысли... Что, если бы, по окончаніи курса въ семинаріи, удалось мнѣ попасть въ университетъ... да нѣтъ! не съ моими способностями. Яблочкинъ—другое дѣло: онъ хотъ сейчасъ выдержитъ университетскій экзамень. — „Пѣшкомъ,—говоритъ,—на Христово имя пойду, а ужъ буду въ университетѣ“.—Я ему вѣрю: съ его настойчивымъ характеромъ онъ все сдѣлаетъ. А какъ онъ смѣлъ! Однажды въ классѣ, когда профессоръ говорилъ о мѣстопробываніи души въ человѣческомъ тѣлѣ и рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что душа обитаетъ во всемъ нашемъ тѣлѣ, Яблочкинъ неожиданно поднялся со скамьи. „Позвольте предложить вамъ возраженіе“, сказалъ онъ профессору.

— Хорошо.—

„Такъ какъ въ сумасшедшемъ человѣкѣ душа не можетъ проявлять разумно своего существованія, а по существу своему недѣятельною она быть не можетъ, то чѣмъ душа эта бываетъ занята въ продолженіе иногда многихъ лѣтъ т. е. до самой смерти сумасшедшаго?“

Профессоръ сталъ втупикъ и, послѣ долгаго молчанія, сурово отвѣтилъ: „Садитесь на мѣсто и впередъ прошу поменьше разсуждать, а слушать внимательно то, что вамъ скажутъ.“ Яблочкинъ сѣлъ читать какой-то журналъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лекцію профессора, который говорилъ о Сенокѣ, о Сократѣ, о Пифагорѣ и, ужъ Богъ знаетъ, о комъ, всѣхъ трудно припомнить... Однако засѣла мнѣ въ голову эта семинарія! О чемъ бы я ни повелъ рѣчь, непременно коснусь

семинаріи... Полно! Мнѣ еще нужно подумать о планѣ заданнаго намъ на каникулярное время разсужденія на тему: „Какимъ образомъ умъ, какъ источникъ идей, можетъ служить средствомъ къ приобрѣтенію познаній?“ По поводу этой темы Яблочкинъ сказалъ мнѣ: „Подивись, братъ, нашимъ способностямъ. На эту мудреную фразу у насъ пишутъ нѣкоторые по три или по четыре листа самымъ мелкимъ почеркомъ, а простой записки къ знакомому никто изъ насъ не напишетъ толково, мало этого: десяти словъ не свяжутъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ. Замѣть, братъ, это и намотай себѣ на усъ“. — Однако и ты напишешь, когда прикажутъ,—отвѣчалъ я. „Само собою такъ“.

22.

Цѣлую недѣлю я не брался за перо: не до того было. Наступила рабочая пора—уборка хлѣба. Жары стоятъ нестерпимые. На небѣ нѣтъ ни облачка. Вечеръ горячій. Жницы работаютъ съ разсвѣта до поздней ночи. На подошвахъ ихъ необутыхъ ногъ, которыми онѣ смѣло ступаютъ по срѣзаннымъ стеблямъ ржаного колоса, трескается кожа; на ладоняхъ появляются мозоли, нѣкоторыя величиною въ орѣхъ; лица у всѣхъ покрыты загаромъ и потомъ; на свѣжіе слѣды горячаго пота ложится сухая пыль, образуетъ черныя полосы, которыя, въ свою очередь, покрываются новою пылью, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Всѣхъ мучитъ невыносимая жажда, а въ полѣ нѣтъ ни одной капли холодной воды, потому что она на разсвѣтѣ привозится изъ села въ жбанахъ или въ боченкахъ и, по прошествіи 3 — 4-хъ часовъ, дѣлается теплою, совершенно-негодною для питья. Нѣтъ и отрадной тѣни, куда бы можно было приклонить усталую голову и вдохнуть въ себя струю прохладнаго воздуха. Грудныя малютки, которыхъ матери берутъ собою въ

поле, лежатъ подъ снопами на разостланныхъ бѣлыхъ зипунахъ, время отъ времени плачутъ, замолкаютъ—и опять плачутъ. Матери торопливо кормятъ ихъ грудью и снова берутся за серпъ. При дорогѣ сидятъ грачи съ распушенными крыльями и раскрытымъ клювомъ; даже имъ тяжело отъ нестерпимаго жара. Батюшка, несмотря на свой санъ, собственноручно накладываетъ на возъ полновѣсные снопы, подмазываетъ дегтемъ колеса, впрягаетъ лошадь и сохраняетъ при всемъ этомъ невозмутимое спокойствіе: такъ онъ радъ хорошему урожаю! Примѣръ его и на меня дѣйствуетъ благотѣльно. Только отъ непривычки къ работѣ къ вечеру у меня страшно ломятъ плечи и руки. Ночью сплю, какъ убитый, даже и во снѣ ничего не грезится. Сегодня, часовъ этакъ въ 5-ть, когда жаръ нѣсколько убавился, и работа закипѣла дружныѣ, изъ села прискакалъ верхомъ мальчишка безъ шапки, босоногій, въ оборванной рубашонкѣ, и своимъ дѣтскимъ языкомъ насилиу могъ растолковать батюшкѣ, что умираетъ его больная мать, что нужно ее исповѣдать и приобщить Святыхъ Таинъ. Батюшка поморщился. Сердце мое сжалось, и грѣшный человѣкъ, я осудилъ его въ душѣ. Очевидно, ему жаль было терять золотое, рабочее время. Впрочемъ, нерѣшимость его была минутная: съ моею помощію онъ посбросалъ съ телѣги снопы и крупной рысью отправился въ село. Больная умерла въ сумерки. Вечеромъ, когда мы готовились сѣсть за ужинъ, вошелъ кузнецъ Оома, старикъ, бѣлый какъ лунь.

„Здравствуй, отецъ Иванъ! Вотъ я сына хочу женить...“

— Знаю, знаю. Часъ добрый! — сказалъ батюшка.

„Покорнѣйше благодаримъ. Прими-ка вотъ, чѣмъ богатъ.“

Оома поклонился и поставилъ на столъ штофъ водки.

— Спасибо, другъ, спасибо! Только напередъ тебѣ самому ее надобно отвѣдать. —

„Почему не такъ, коли будетъ на то твоя милость“. Батюшка налилъ стаканъ.

— Выпей-ка на здоровье. —

„Начинай, отецъ Иванъ. За мною дѣло не станеть.“

— Я бы не отказался; ты знаешь, я не пью. —

„Ну и просить не стану. Благослови.“

— Богъ тебя благословить. —

Өома выпилъ, крякнулъ и вытеръ усы рукавомъ своего сѣраго халата.

„За вѣнчаніе-то, отецъ Иванъ, ты дорого ль съ меня положишь?“

— Сойдемся, другъ, сойдемся. —

„Вѣстимое дѣло. Все-таки мнѣ надо разсчитать, что и какъ...“

Батюшка скоро съ нимъ условился.

„Ну, вотъ, сказалъ Өома: спасибо, что не прижимаешь; добрый ты, значитъ, человѣкъ, не то, что нашъ дьячекъ—этакая дрянь, и не глядѣлъ бы на него.“

— Богъ дастъ, исправится. Ну, каково убираетесь съ хлѣбомъ? —

„Убираемся помаленьку. Такъ спѣшимъ, что на-поди!“ И, послѣ непродолжительнаго разговора объ уборкѣ хлѣба, Өома поклонился и вышелъ.

„Зачѣмъ вы взяли это вино?“ спросилъ я у батюшки.

— Затѣмъ, чтобъ не обидѣть старика. Таковъ обычай.

„Ну, а зачѣмъ вы его потчивали?“

— Опять таковъ обычай. Вотъ погоди, когда будешь попомъ, да придется тебѣ самому плести плетни, чинить соху, чистить хлѣвъ, да ходить со двора на дворъ съ просьбою, нельзя ли, молъ, вотъ въ томъ мнѣ помочь, да въ этомъ пособить, тогда ко всему привыкнешь. — И батюшка грустно сѣлъ за столъ, какъ будто вопросы мои пробудили въ немъ тяжелыя мысли.